

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

В.В. Маяковский и М.А. Денисова

«Будет любовь или нет? Какая – большая или крошечная?» – этот вопрос Владимир Маяковский задавал себе в жизни несколько раз. Его романы развивались стремительно, одни длились пару месяцев, другие больше десяти лет, но ни один из них так и не привел к браку.

Тот самый дом на Толстого, 16

С Марией Денисовой Владимир Маяковский встретился в Одессе в 1914 году – во время турне футуристов, в котором кроме него участвовали поэты В.В. Каменский и Д.Д. Бурлюк. В тот день – 16 января – проходил поэтический вечер в Русском театре. Поэт Василий Каменский первым заметил «совершенно необыкновенную девушку: высокую, стройную, с замечательными сияющими глазами, словом, настоящую красавицу». По его воспоминаниям – в первый же день знакомства (ошибка: см. ниже. – Л. А.) Маяковский и Мария Денисова гуляли до самой ночи, и поэт вернулся «улыбающийся, рассеянный необычайно, совсем на себя не похожий». Они проводили вместе много времени, но на предложение руки и сердца Денисова ответила отказом. Зато родилась поэма «Облако в штанах», а Денисова стала ее лирической героиней.

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», – сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять...

Именно так или примерно так начинается повествование о встрече этих двух незаурядных молодых людей в большинстве доступных (а их – множество!) литературных источников. Сразу укажу, что из всего этого множества больше других привлекли и легли в основу моих представлений книги известного одесского автора, создателя и первого директора нашего литературного музея Н.А. Брыгина «Времен стремительная связь» и А.А. Михайлова «В.В. Маяковский».

Мария Александровна Денисова-Щаденко (1894-1944) родилась 21 ноября 1894 года в деревне Старая Гжатского уезда Смоленской губернии, где постоянно проживала крестьянская семья ее родителей.

В хранившемся в ЦГАЛИ архивном личном деле М. Денисовой, относившемся к 1920-м годам, только один листочек содержал упоминание об Одессе. Позже Мария Александровна писала, что, будучи в Одессе, она училась в частной женской гимназии мадам Бален де Балю. Однако все архивы этой гимназии погибли во время Гражданской войны. Через старожилов Никитой Брыгиным были найдены сестры Алексинские, выведенные, в частности, Валентином Катаевым в повести «Зимний ветер» (об одной из них – «сиреневой Ирен» – и посвященных ей стихах я читал в одесских публикациях А. Яворской, Е. Голубовского и А. Дроздовского. – Л. А.). Сестры окончили эту гимназию. Они помнили Марию. Денисова действительно училась в этой престижной частной гимназии, но потом исчезла из их поля зрения. Подруга Алексинских Марица Федоровна Смирнова, тесно связанная с одесскими литературными кругами, помогла напасть на след Марии. Было установлено, что Мария жила в Одессе в семье старшей сестры Екатерины Александровны, которая вышла замуж за инженера Филиппова и в замужестве некоторое время носила двойную фамилию: Денисова-Филиппова. Так стал известен адрес, по которому она проживала в Одессе, – ул. Толстого (ранее – Гулевая, а в те годы – Карангозова. – Л. А.), 16, квартира 4. В эту квартиру, как на огонек, сходились видные одесские литераторы и журналисты, потому что здесь устраивались по средам шумные литературные «обеда», на которых непременно старались попотчевать какой-нибудь приезжей знаменитостью или просто интересным человеком.

Бразды правления литературными средами, со слов Брыгина, находились в руках беспечной и милой Екатерины Александровны, ее активной помощницей была младшая сестра – очаровательная Маша, Мария Александровна Денисова, жившая в их доме на непонятном положении – то ли бонны при дочурке Филипповых Лелечке, то ли родственницы. На одном из таких званных литературных обедов побывал и Маяковский с компаньонами по турне. Прочитав гостям все лучшее, что было им написано к тому времени, он вызвал немалый восторг одних и смятение других. Мария Александровна, как вспоминал друг Маяковского поэт-авиатор Василий Каменский в книге «Жизнь с Маяковским», пред-

ставлялась гостям бесконечно обаятельной и веселой, она искренне обрадовалась приходу поэтов. Обед превратился в поэтическое торжество: они почти все время читали стихи, говорили какие-то особенно праздничные вещи. «Володя был в ударе. Его остроты могли рассмешить памятник герцогу Ришелье. Он говорил много, умно и весело. Он во что бы то ни стало хотел нравиться всем присутствующим и, конечно, в первую очередь Марии Александровне. Ему легко удалось достичь желанного впечатления. Дружески подшучивая, он придумывал про меня невероятные фантастические истории... Читал он в этот вечер необычайно. Вернувшись в гостиницу, мы долго не могли успокоиться от огромного впечатления, которое произвела на нас Мария Александровна».

Еще в 1911 году Маша Денисова, не обратив внимания на общественное мнение, неожиданно прервала учебу в гимназии и поступила на частные курсы художника Ю.Р. Бершадского, чем немало шокировала свою родню. Брыгин считает, что поступок ее казался не столько непозволительным, сколько необъяснимым.

М.А. Денисова в те годы

А она завела дружбу с местными скульпторами и художниками, которые сразу и безошибочно признали у нее природный талант ваятеля. Внутрисемейные разногласия внешне не отразились на жизни в семье Филипповых, которая текла размеренно и респектабельно. Екатерина Александровна по-прежнему устраивала литературные среды со зваными обедами, Мария же все больше замыкалась, изредка принимая участие в городских конкурсах красоты, на которых неизменно занимала первое место.

Суммируя поступки и высказывания Маши, о которых обильно и подробно рассказывали ее бывшие знакомые, Брыгин соглашается с мнением Василия Каменского, который в своей книге «Юность Маяковского» писал впоследствии, что «Семнадцатилетняя (так ли? – Л. А.) Мария Александровна принадлежала к числу избранных девушек того времени, в которых сочетались высокие качества пленительной внешности и интеллектуальная устремленность ко всему новому, современному, революционному». Из этого же источника узнаем, что встреча Маяковского и Денисовой в Одессе не была первой. В конце декабря 1913 года в Москве на вернисаже выставки Общества художников «Мир искусства» Марии повстречался красивый иронически настроенный юноша, манерами, одеждой, смелостью суждений совсем не похожий на своих сверстников. Во время мимолетного знакомства он даже не назвал ее, предложив именовать себя «некто в черном». А через три с лишним недели они снова увиделись уже в Одессе, возле памятника Эммануилу Арману дю Плесси де Ришелье, или попросту – Дюку... «Встретил московских знакомых», – уклончиво отвечал Володя на недоуменные вопросы компаньонов по турне по поводу своего неожиданного исчезновения с Приморского бульвара вместе с красивой девушкой. А потом не выдержал, признался. Еще одно свидетельство Василия Каменского: «Колесо жизни вертелось».

Друзьям-футуристам надо было ехать в Кишинев, но Маяковский задерживал отъезд. Они волновались. Дело в том, пишет Каменский, что Маяковский влюбился здесь в красавицу Марию Александровну и по этому неожиданному случаю сходил с ума, рвал и метал и вообще не знал, как быть, что предпринять, куда деться с этой нахлынувшей любовью... Стройная, обаятельная,

«с глазами южной ночи» – поэт видел одно: «Вы – Джиоконда, которую надо украсть!..». И далее: «Двадцатилетний Маяковский, еще не знавший любви, впервые изведal это громадное чувство, с которым не мог справиться».

Меня заинтересовало это «не знавший любви...». А «Сонка», Софья Шамардина, которой он увлекся осенью 1913 г., очевидно, не в счет?.. Или Каменский не в курсе дела? Удалось найти ряд публикаций (И. Аброскин (1971), Н. Дардыкина (2001 г.), Е. Обоймина и Е. Татькова (2004)), аргументированно подтверждающих, что первое серьезное чувство Маяковский испытал именно к С.С. Шамардиной в 1913, а может быть, даже осенью 1912 г., и неоднократно заявлял, что именно ей собирался посвятить задуманную поэму. «Оно («Облако»), – говорил Маяковский позднее, – начато письмом в 1913/14 году». А вот как плотно (в романтическом плане) выглядят эти годы в публикации «Основные даты жизни и творчества В.В. Маяковского»: 1913 – Вера Шехтель. 1913-1914 – романы со скульптором Марией Денисовой, художницей Антониной Гумиловой, художницей Софьей Шамардиной. 1913-1915 – роман с Эльзой Каган (позже Триоле).

Но вернемся к Марии. Теперь мы представляем, как начиналось знакомство художника и поэта Владимира Маяковского с будущим скульптором Марией Денисовой, продолжавшееся с перерывами многие годы.

Замысел поэмы «Облако в штанах» и начало ее возникли во время турне футуристов по России. В Одессе Владимир Владимирович познакомился с прелестной юной Марией Александровной, девушкой редкого обаяния, тут же и нареченной им Джиокондой. И в поэме она появляется как Мария, а потом: «Помните? Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть», – а я одно видел: вы – Джиоконда*, которую надо украсть!».

Тогда еще у многих в памяти было похищение знаменитой картины Леонардо да Винчи из Лувра и возвращение ее в музей (1911-1913). В Одессе произошло то, что должно было произойти с Маяковским. Ему было двадцать лет. Сердце молодого поэта еще не обожгло любовное пламя, его страстная натура еще не подверглась испытаниям любви. Мария Александровна –

* Вариант транслитерации (итал. La Gioconda, фр. La Joconde). – Л. А.

Из «молодых» фотографий В.В. Маяковского

Машенька Денисова – была не только хороша собой, но вообще оказалась незаурядным человеком. Недаром и Каменский, тоже познакомившийся с Денисовой, отметил в ней «высокие качества пленительной внешности и интеллектуальной устремленности ко всему новому, современному, революционному». Михайлов

подтверждает, что встреча Маяковского с «младшей Денисовой» была не первой. Тремя неделями раньше они виделись в Москве на вернисаже художников «Мира искусства». Встреча была мимолетной, Маяковский тогда даже не назвался. (Видимо, поэтому эту встречу многие не считали знакомством. – Л. А.) В Одессе он сразу влюбился. Любовь вспыхнула в нем с необыкновенной силой. Встречи с Марией (очевидно, снова цитируя Каменского), буквально преобразили Маяковского. Он не находил себе места, метался, звал своих друзей посмотреть на ночное море, надолго

Фото из собрания
Одесского литературного музея

исчезал, а на вечере в театре, кажется, превзошел себя, читая стихи как никогда вдохновенно и все время поглядывая туда, где сидела его Джиоконда. Маяковский был влюблен. Он невероятно торопился со своими чувствами и страдал, не желая считаться ни с какими условностями. А Мария Александровна, девушка достаточно независимая (на этой почве они и расходились с сестрой), тем не менее не расположилась к футуристам, не прониклась сочувствием к божественной стороне их жизни. Маяковский ей нравился, она увлеклась им, но от решительного шага отказалась. И не потому, что была нерешительна. Наоборот, вся ее последующая жизнь – цепь смелых, иногда даже сопряженных с огромным риском решений и поступков. Было что-то другое, что мешало сделать еще один шаг навстречу Маяковскому, что-то другое... «Любовь – тайна, и никому не дано разгадать ее!» – пишет Михайлов.

В конце концов Маяковский назначил решительное объяснение на последний день пребывания в Одессе. Таким образом, как считают комментаторы, действие «Облака в штанах» – тот самый

вечер, «хмурый, декабрь» – был в действительности ясный, «январый», 20 января. На другой день после объяснения Маяковский был мрачен и молчалив и решительно сказал:

– Едем.

Комментарии, как говорится, излишни...

Очевидно, следы этого драматического объяснения обнаружил Р. Дуганов на обороте рисунка Бурлюка, изображающего Марию Денисову. Им расшифрован «текст», который, как он считает, был игрой в угадывание по отдельным буквам. Текст этот, с его точки зрения, за исключением одного слова, и после этого выглядит так:

«Я вас люблю... н. л (?)... симпатичная дорогая милая, обожаемая поцелуйте меня, вы любите меня?» И тут же два рисунка: пронзенное стрелой истекающее кровью сердце и виселица. Спасительная самоирония до поры не покидала Маяковского даже в самые напряженные, драматические моменты жизни! Он терпел поражение и он подшучивал над собой в глазах любимой. Наедине и с друзьями ему было не до шуток. Вместе с Бурлюком и Каменским они продолжили свое турне, и в купе вагона, когда ехали из Николаева в Кишинев, Владимир Владимирович медленно, с большим напряжением, прочел своим друзьям первые строки поэмы... Боль претворялась в стихи. Лирический герой поэмы «Облако в штанах», как и герой трагедии «Владимир Маяковский», стоит в центре мира, «стягивает весь мир к человеку», как очень точно выразил это еще один «маяковед» – исследователь творчества Маяковского В. Альфонсов (1984). Грубая жесткая реальность в поэме представлялась враждебной ее герою, здесь слышатся отголоски начавшейся империалистической войны. Работа над «Облаком» была закончена в 1915 году в Куоккале, где Маяковский, «шатаясь пляжем», вышагивал раскаленные строки поэмы. «Это продолжалось часов пять или шесть – ежедневно, – вспоминал К. Чуковский. – Ежедневно он исхаживал по берегу моря 12-15 верст. Подошвы его стерлись от камней, нанковый синеватый костюм от морского ветра и солнца давно уже стал голубым, а он все не прекращал своей безумной ходьбы». Так Владимир Маяковский писал свою первую поэму «Облако в штанах». Чуковский, по мнению Альфонсова, ошибается толь-

ко в том, что тогда еще, по его словам, начала поэмы не было. Может быть, Маяковский не считал начало законченным, и потому не читал его. Свидетельство Каменского о рождении первых строк и их прочтении в вагоне поезда тоже вызывает сомнения. Вряд ли поэма о любви, когда Маяковский весь был наполнен, жил этим чувством, могла начаться, как утверждает Чуковский, отрывком о Северяnine и Бурлюке. Любовь не отпускала его в Куоккале, образ Марии двоился в сознании, отталкивая и в то же время привлекая своей недоступностью:

М. А. Денисова-Щаденко
после перенесенного тифа

Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу...

Давид Бурлюк сказал Маяковскому: «Я не верю в удачу. Из первой любви никогда ничего не выходит. Джоконда только произведение. На него можно лишь смотреть, а если она скажет родным, что любит поэта, ее сочтут за помешанную и запретят». Видимо, Мария запертой быть не захотела.

Маяковский вернулся в Москву, а Мария Денисова вскоре вышла замуж за инженера Василия Львовича Строева. Жила вместе с ним в Швейцарии, в Лозанне, где у них родилась дочь Алиса, затем в Женеве. Однако их супружество не сложилось: Строев уехал в Англию, а Мария Александровна с дочерью – в революционную

Россию. В годы Гражданской войны Денисова заключила второй брак – с революционером, членом Реввоенсовета 1-й Конной армии Ефимом Афанасьевичем Щаденко, и сама вступила в ее ряды. Она создавала агитплакаты, оформляла агитпоезда, участвовала в боях, дважды переболела тифом.

После Гражданской войны Мария Денисова-Щаденко «доучивалась» на курсах ВХУТЕМАС, работала с глиной и камнем. Но муж всячески противился ее творческому увлечению. Брак был очень трудный, несколько раз она уходила из квартиры на десятом этаже знаменитого «Дома на Набережной» – куда угодно, хоть в общежитие РАБИСа: ревниво любящий и невероятно скупой муж не понимал ее, не давал заниматься скульптурой, пытался превратить в домашнюю рабыню. В двадцатых она много выставлялась, но вечно страдала от проблем с материалами, с отливкой, – Щаденко в это время жил на пенсию (как оказалось – временно), а позднее, вернувшись на службу, дослужился до заместителя наркома обороны СССР.

Поэт часто помогал Денисовой, в том числе и материально, они переписывались, иногда виделись. Она с негодованием писала Маяковскому: «Уйти нужно – работать не дает. Домострой. Эгоизм. Тирания». Скульптор она была первоклассный, ученица Коненкова. Мария Денисова-Щаденко была монументалистом, ее скульптурные работы выставлялись на международных биеннале в Женеве, Венеции, Варшаве, Цюрихе, Берне, Копенгагене. Несколько ее выставок было в Москве. Сделала она в 1927 году и прекрасный скульптурный «остроугольный» портрет Маяковского – «своего остроугольного друга», по ее словам.

Сохранились несколько писем к нему – отчаянных, депрессивных, о невозможности работать, о тошном быте, благодарила за «Баню», в которой увидела в том числе протест против семейного насилия. Достать мрамор было негде, отливка стоила дорого. Денисова писала Маяковскому, с которым после долгого перерыва встретила в 1927 году на одной из выставок: «Дорогой Владимир Владимирович! Щаденко категорически не разрешил мне брать у Вас денег – думал он, что я пошутила в 1-й раз, говоря, что Вы будете оплачивать натуру и отливку. Все же я надела долги – прошу Вас в четверг в 4 часа или в пятницу в 4 часа

быть дома. За Вашу помощь я Вам бесконечно благодарна, и если бы я когда-нибудь могла бы быть Вам полезной, то я бы сделала что-то для Вас».

«Главная женщина» Маяковского, Лиля Брик, негодовала, и в одном из рукописных вариантов воспоминаний утверждала, что Денисова добывала у Маяковского деньги чуть ли не шантажом. (Чем, любопытно, могла она его шантажировать? «Я всем расскажу, что вы делали мне предложение»?) Щаденко, со своей стороны, не одобрял жизни в долг. О том, как страдала Мария, узнав о самоубийстве Маяковского, рассказывала сестра

Ефима Афанасьевича Щаденко. Когда до Марии дошла эта страшная весть, она, бледная, в слезах, ворвалась в комнату сестры мужа. Потом началась истерика. Никого не слушала и не слышала – ходила, как потерянная. Два дня перед похоронами Мария никуда не выходила, а потом стояла на могиле молча, как натянутая струна. Тогда же она принялась за создание второй скульптуры поэта. Ее дочь рассказывала, что Марии очень трудно давался этот портрет Маяковского. Все время хотела чего-то большего, настоящего, но у нее не получалось. Так что портрет создавался мучительно долго. В конце концов он был закончен, выполнен в камне.

Вторую скульптуру Маяковского она делала в «Доме на Набережной», в 25-м подъезде, в квартире № 505. В 33-м семья Щаденко переехала в первый подъезд, в более просторную квартиру, а прежняя осталась за Марией Александровной как творческая мастерская. Одна большая комната и огромный крытый балкон площадью 50 кв. метров на южную сторону, с видом на стрелку Москвы-реки и частично на Кремль.

Член Реввоенсовета 1-й Конной армии,
позднее – генерал-полковник Е. А. Щаденко

Скульптурный портрет В.В. Маяковского, выполненный М.А. Денисовой-Щаденко в 1927 г.

Умерла она, говорила дочь, так же, как и ее Маяковский, – сама ушла из жизни. Было ей немногим за 50. По одной версии, трагедия произошла в Кремлевской больнице, по другой – она бросилась с десятого этажа берсеневского дома. Но нужно ли знать все до конца? Дело в том, что со второй половины тридцатых Денисова тяжело болела. По версии А.А. Гуляева и С.Е. Лазарева (2015), болезнь настолько ослабила женщину физически, что она не могла больше заниматься ваянием, не работала. Не выставлялась. Поскольку скульптура была для Денисовой смыслом жизни, это и послужило причиной

самоубийства – 10 декабря 1944 года. Как известно, среди женщин Маяковского это не первое и не последнее самоубийство (последним был добровольный уход Лили в 1978 году). Похоронена на Новодевичьем кладбище (участок 4, ряд 9, могила 14). Могила ее долгое время была заброшена, пока работники музея Маяковского сами не установили на ней памятник. Это ее беломраморный автопортрет с дочерью «Материнство» – талантливо воспроизведенные, необыкновенно светлые и нежные образы ее самой и ее маленькой дочери... Скульптура долгое время хранилась в музее Маяковского. Не сохранилось ни одной работы Марии Денисовой-Щаденко, выполненной после 1936 года. Были ли они уничтожены, или их просто не было...

Маяковский выбирал всегда красавиц, а союз поэта и красавицы далеко не так идиллический, как пишет Пастернак в «Охранной грамоте»: правда в том, что Маяковского с Марией роднит исключительность, и красота Марии была в самом деле исклю-

чительной, такой же тревожной и беспокойной, как прекрасная и абсолютно дисгармоничная поэма. По единодушному мнению большинства критиков, поэма оказалась лучшей, и женщина эта была самой одаренной, самой неотразимой и, вероятно, единственной из всех, в чем-то равной ему. Судя по сохранившимся работам, она была настоящим большим художником, вне школ и направлений – авангард прошел мимо нее, словно и не было никакого авангарда. Как она относилась к поэме – неизвестно, но об авторе думала с редкой нежностью и бережливостью: Д.Л. Быков в интервью Л. Велехову говорит о том, что подобие фабулы в «Облаке» все-таки есть, истоки ее – в Одессе, прообраз героини – Мария Денисова, в которую Маяковский влюбился с первого взгляда. Но, как уже говорилось, все не так просто и однозначно у Маяковского.

Увлечись поиском ответа на вопрос о том, кому посвящена поэма, представляющая самостоятельный интерес независимо от этого ответа, я решил «поверить гармонию (или – дисгармонию...) алгеброй». В поэме всего 725 строк. Из них непосредственно к Марии относятся с 30 по 50, затем с разрывом – до 170, затем – с 530 по 545 и с 575 по 660 (наиболее сильно), то есть 215, не более 1/3... В итоге склоняюсь к выводу о том, что поэма была задумана, когда Маяковский был еще влюблен в Сонку (см. выше – Софья Шамардина, предмет ревности К. Чуковского и причина его конфликта с Маяковским. – Л. А.), написана она о Марии, а посвящена, как точно известно, Лиле (Л.Ю. Брик), и оказалась (словами Быкова) «повествованием обо всех его последующих увлечениях, со всеми их обязательными фазами: бурный шторм – неудача – поиск утешения в лирике, в толпе, в вере – полное поражение по всем фронтам, равнодушие женщины, переходящее в равнодушие Вселенной, – и сочинение гиперболического богорборческого симфонического текста как универсальная компенсация за все это». И далее, говоря о самоубийстве Маяковского, со свойственной ему безапелляционностью Быков заявляет: «Знаете, я мог бы вам ответить с большой долей серьезности, что это главный творческий акт Маяковского, что из всех сочинений Маяковского, его поступков, именно его самоубийство сегодня наиболее обсуждаемо. И если раньше он был автором «Облако

в штанах» или «Послушайте», сегодня он, прежде всего, тот, кто застрелился»... Мне представляется, что все приведенные факты, безусловно, интересны и позволяют узнать многое о людях, о жизни и делах которых они повествуют. Но когда обращаешься к строкам поэмы:

Тело твое
я буду беречь и любить, как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу!

или:

Мария, ближе!
В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.
Мария!

Поэт сонеты поет Тиане,
а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
как просят христиане –
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».

Мария – дай!

...понимаешь, что самое важное то, что была и есть поэма.
Была Мария. Было яркое и всеохватное чувство. И была Одесса!

Удалось добыть краткую информацию о потомках нашей героини.

Дочь Марии Александровны Денисовой и ее первого мужа Василия Львовича Строева – Алиса Васильевна Строева (Аля), первая жена Юрия Львовича Карпова, впоследствии крупного ученого и конструктора в области экспериментальной аэродинамики и баллистики. После развода замуж не выходила. Дети Алисы Васильевны от этого брака – дочери Татьяна Юрьевна и Ольга Юрьевна Карповы – внучки Марии. Дочери Ольги Юрьевны – Юлия Константиновская и Анна Асаркан – правнучки Марии. Все они, вместе с матерью и третьим мужем Ольги Эймоном Хейли, проживали в Англии. Муж Анны Асаркан – Тобаэс Плэтт. Их дети – Теодор, София, Бенедикт, Елизавета, Николай и сын Татьяны Юрьевны Кирилл – многочисленные правнучки Марии.

Нельзя не упомянуть, что образ Марии творчески вдохновил не только Маяковского, и это тоже связано с Одессой. Отсвет этого образа виден, как считает американский бабелевед Г. Фрейдин, и в образе главной героини пьесы И. Бабеля «Мария» (1934). По странной иронии судьбы, «Джиоконда в терновом венце революций» явилась культурному миру в той же Флоренции, где в 1914 году был выставлен обнаруженный после кражи из Лувра портрет женщины с загадочной улыбкой, принадлежавший кисти бессмертного Леонардо да Винчи. В театральном сезоне 1964-1965 гг. именно там, на сцене флорентийского театра

Памятник-автопортрет «Материнство» на могиле М.А. Денисовой-Щаденко на Новодевичьем кладбище

«Пикколо», была поставлена пьеса Бабеля «Мария». Великовозрастный ученик Одесского коммерческого училища Исаак Бабель еще в 1910 году при совершенно случайных обстоятельствах познакомился с красивой гимназисткой Марией Денисовой. Потом, многие годы спустя, они неожиданно встретились в Первой конной армии, куда Бабель был направлен как корреспондент ЮгРОСТА. Молодого писателя поразили перемены, произошедшие в жизни и характере Марии. И он тогда еще загорелся желанием написать о ее судьбе. Однако за пьесу Бабель возьмется много позже в Сорренто. После резкой принципиальной критики первого ее варианта А.М. Горьким он заново ее переработал, создал более оригинальный вариант. Кроме подлинного имени Марии писатель насыщает пьесу целым рядом деталей, которые не оставляли никаких сомнений у людей, знавших М.А. Денисову. Ефим Щаденко выведен под именем Акима, названы точный номер дома и квартиры Марии по улице Гулевой в Одессе, хотя действие и отнесено в Петроград на Фурштадтскую... Участники событий тех далеких лет, хорошо помнившие Марию по Одессе, также единодушно сравнивают судьбу Кати и Маши Денисовых с судьбой литературных Кати и Даши Булавиных из трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». Из монографий о творчестве А.Н. Толстого известно, что, подготавливая третью часть трилогии и собирая материал для завершения «биографии» героини – Даши Телегиной, – Толстой, также знавший Марию по Одессе, неоднократно встречался с мужем М. Денисовой, командармом Е.А. Щаденко, бывал в их гостеприимном доме...

Вот вкратце, что известно об этой незаурядной женщине, которая охарактеризована бесстрастной «Википедией» как «...одна из адресатов любовной лирики В. Маяковского».

P. S.

Казалось бы, с датировкой событий все более-менее ясно. Но вот появляется исследование нашего одесского автора Е.Л. Деменка, давно и основательно изучающего жизнь и творческое наследие Д.Д. Бурлюка, да и всех Бурлюков, судьба которых связана с Одессой. В своей работе «По одесским следам Бурлюков» он приводит выдержку из письма Бурлюка к нашему покойному другу – одесскому краеведу и писателю

А.Ю. Розенбойму, датированного 14 августа 1964 г., и прекрасно сохранившуюся копию самого письма. Вот этот текст: «В 1913 г. в Одессе выступления с Петром Пильским, и Володя имел свой роман с Марией – младшая-бедная сестра Катерины, жены румынского помещика. Я ее (Катерину) знал в 1906 г. в Харькове – они были богатые люди, и художник Митрофан Семенович Федоров писал ее портреты. Мария и Катя приезжали в Москву в 1915 год апрель. Я их тогда не видел, так как у нас родился 11 апреля младший сын Никифор Давидович. Фамилию Марии и Кати ее старшей сестры – я записал в своем манускрипте «Романы Маяковского»...

Напугал что-то восьмидесятидвухлетний Давид Давидович?.. Вот и я о том же.

